

Наконец-то всё утихло, и Чжань Цзюцзян почувствовал, будто половина его сил ушла. Слезы, не подчиняясь его воле, ручьями потекли по лицу. Его лицо было исчерчено следами слёз, глаза, раздражённые влагой, едва могли открыться, и он смотрел на Лян Цзивэня через узкие щёлочки. Нос его был красным, и в целом он выглядел крайне жалко.

Цзян Пинъань, проявив такт, намочила горячей водой полотенце и передала его Лян Цзивэню. Тот вытер лицо Чжань Цзюцзяна, затем слегка стукнул его по лбу.

— Всё это ты сам на себя навлёк!

В обычное время Чжань Цзюцзян непременно ответил бы тем же, но сейчас он чувствовал себя виноватым и только моргал глазами, стараясь выглядеть послушным.

— Пинъань, Чжаолай, это сушёные рыбки, которые я сам приготовил. Возьмите их и поделите с дядями и тётями в палате.

Лян Цзивэнь достал два пакетика с рыбками: один был с острым вкусом, другой — с ароматным.

— Не нужно, Цзюцзян-гэ уже угощал нас, — смущённо сказала Цзян Пинъань.

— Ничего страшного. Посмотрите на него — если он ещё пару раз так поест, то и лечить его не придётся, можно сразу копать яму и закапывать, — безжалостно заметил Лян Цзивэнь.

— Лян Цзивэнь, ты что, хочешь, чтобы я сдох?! Как ты можешь так проклинать человека?

Чжань Цзюцзян возмутился, сжимая в руках пакетик с острой рыбкой. Его сердце обливалось кровью: ароматных рыбок Лян Цзивэнь дал ему много, а вот острых — совсем мало. Если бы это были ароматные, он бы и два пакета отдал без сожаления, ведь у него и так полно закусок!

Лян Цзивэнь холодно посмотрел на него, и Чжань Цзюцзян сразу замолчал.

Эх, виноват ведь!

Цзян Пинъань и Цзян Чжаолай были поражены. Они никак не ожидали, что такой добродушный, утончённый и знающий Чжань Цзюцзян может ругаться. Их челюсти чуть не отвисли от удивления.

Чжань Цзюцзян, заметив их реакцию, почувствовал, как его щёки загорелись. Его образ! Всё из-за Лян Цзивэня, иначе его репутация благородного человека не разрушилась бы так быстро. Хотя он и чувствовал себя виноватым, это не помешало ему мысленно записать Лян Цзивэню ещё один грех.

Цзян Пинъань и Цзян Чжаолай взяли пакетики с рыбками и обошли всю палату, но когда вернулись, оставалась ещё большая часть. Сушёные рыбки, конечно, не были чем-то редким, но Лян Цзивэнь обжарил их в масле и использовал много специй, поэтому они получились гораздо вкуснее, чем у других. Однако большинство людей стеснялись брать слишком много, лишь улыбаясь и беря по одной-две штучки, а некоторые даже угощали их в ответ бисквитами и печеньем.

Лян Цзивэнь, игнорируя жалобный взгляд Чжань Цзюцзяна, аккуратно убрал острые рыбки в свой карман, исключая возможность их повторного поедания. Когда пришла Сестра Цзян, он расставил еду на столе и, увидев, что она снова принесла еду, сказал:

— Сестра Цзян, вы уже столько дней помогаете нам, заботясь и о доме, и о нашем Цзюцзяне. Давайте в эти дни будем есть вместе. Я ведь свободен, могу готовить, чтобы облегчить вам нагрузку.

Сестра Цзян поспешно отказалась, говоря, что это не проблема, и ей неудобно есть их еду, но Чжань Цзюцзян тоже стал уговаривать её, и в конце концов она согласилась.

За обедом Чжань Цзюцзян ел с невероятной скоростью, почти не останавливаясь, чтобы проглотить мясо, а овощи и тофу едва трогал. В больнице он питался в столовой, где еда была посредственной, хоть и сбалансированной — больше овощей, меньше мяса. Но главное, что в последние дни Чжань Цзюцзян мог есть только лёгкую пищу, и ему было неудобно просить Сестру Цзян готовить для него супы и другие блюда.

Когда он увидел тарелку с отварной рыбой в остром соусе, его радости не было предела! Если бы не присутствие других людей, он бы, пожалуй, бросился на Лян Цзивэня с объятиями.

— Ешь медленнее, хорошо пережёвывай, — сказал Лян Цзивэнь, положив в тарелку Чжань Цзюцзяна большую порцию ростков бамбука, а затем добавил рыбу и мясо в тарелки Сестры Цзян и её детей.

Сестра Цзян принесла еду, чтобы есть вместе, но они с детьми ели свои блюда, даже свои порции брали меньше.

— Не кладите больше, не кладите! Вы с Цзюцзяном ешьте, мы уже почти наелись, — Сестра Цзян защищала свою тарелку, вежливо отказываясь.

— Столько еды, если не съедим, пропадёт. Погода жаркая, через ночь она уже не будет такой вкусной. Раз уж приготовили, то нельзя позволить ничему пропасть.

Лян Цзивэнь ловкими движениями наполнил их тарелки до краёв. Цзян Пинъань и Цзян Чжаолай, хоть и смущались, но ели с удовольствием. Сестра Цзян, глядя на довольных детей, почувствовала горечь в сердце — они с детьми жили нелегко. Она больше не отказывалась, решив, что когда-нибудь обязательно отплатит за доброту.

После обеда Сестра Цзян не позволила Лян Цзивэню убирать со стола. Она с детьми собрала всё, немного пообщалась с Чжань Цзюцзяном и, пока ещё было светло, ушла домой. В предыдущие дни в больнице оставались сотрудники, но это было не всегда удобно. Теперь, когда Лян Цзивэнь был здесь, он попросил их больше не приходить, решив остаться сам.

— Лян Цзивэнь, я чуть не лопну, помоги мне помассировать живот!

Как только Сестра Цзян с детьми ушла, Чжань Цзюцзян тут же схватил руку Лян Цзивэня и засунул её под одеяло.

— Я же говорил тебе есть медленнее, но ты меня не слушал, — сказал Лян Цзивэнь, но всё же приподнял рубашку Чжань Цзюцзяна и начал мягко массировать его тёплый и мягкий живот.

Чжань Цзюцзян издавал довольные звуки. Руки Лян Цзивэня были сильными, но массировал он с лёгкостью, с идеальным давлением. Его ладони, покрытые тонким слоем мозолей, скользили по животу, вызывая приятные мурашки.

— Лян Цзивэнь... — тихо позвал он.

— Мм?

Лян Цзивэнь знал, чего он хочет, но намеренно делал вид, что не понимает, медленно двигая рукой вниз, слегка поглаживая, а затем снова вверх.

Чжань Цзюцзян потянулся к нему, чтобы прижаться, но Лян Цзивэнь, наклонившись к его уху, прошептал:

— Сколько людей в палате?

В те времена болеть было дорого, и если болезнь была несерьёзной, люди обычно терпели. В больнице тоже придерживались такого правила: если можно не ложиться, то не клали. Поэтому пациентов было немного, и на заводе специально позаботились, чтобы Чжань Цзюцзяну выделили большую палату.

В палате было восемь коек, но только четыре из них заняты, и ещё трое сопровождающих — всего семь человек.

Но для флирта даже трое — это слишком много!

Чжань Цзюцзян настойчиво предложил:

— Тогда найдём безлюдное место.

Лян Цзивэнь поднял бровь и с улыбкой сказал:

— Пойдём в туалет?

Чжань Цзюцзян чуть не взорвался от злости, ударил головой Лян Цзивэня, оттолкнул его руку от своего живота и отвернулся.

Лян Цзивэнь не сказал ни слова и не стал делать ничего ещё, оставив его в покое.

Туалет в больнице, хоть и убирали каждый день, всё равно был не очень чистым, стены казались желтоватыми, и каждый раз, когда Чжань Цзюцзян возвращался оттуда, он чувствовал себя немного некомфортно. Поэтому в больнице он почти не пил воды.

Не прошло и десяти секунд, как Чжань Цзюцзян снова повернулся и тихо сказал:

— Тогда пойдём.

Лян Цзивэнь чуть не рассмеялся, погладил его по щеке и ласково сказал:

— Подождём, пока вернёмся домой. Там ты сможешь делать всё, что захочешь, хорошо?

Лян Цзивэнь просто хотел пошутить, но не ожидал, что Чжань Цзюцзян действительно временно преодолевает своё отвращение.

Услышав это, Чжань Цзюцзян чуть не вскочил, чтобы ударить Лян Цзивэня, но его ноги были в плохом состоянии, да и он сам не хотел этого делать. Поэтому он просто повернулся на бок, накрылся одеялом с головой и громко сказал:

— Я сплю!

Лян Цзивэнь, увидев его детский поступок, не смог сдержать улыбки. Он не стал в этот момент дразнить Чжань Цзюцзяна, а взял тазик и вышел за водой.

Чжань Цзюцзян, услышав, как Лян Цзивэнь уходит, разозлился ещё больше. Этот чёртов человек, он даже не попытался его успокоить!

Лян Цзивэнь задернул занавеску и слегка потянул за одеяло. Чжань Цзюцзян пошевелился, но не высунул голову, а наоборот, закутался ещё плотнее.

Лян Цзивэнь, видя, что он не выходит, подхватил его на руки, тихонько засмеялся и сказал:

— Глупыш.

Чжань Цзюцзян, услышав это, резко сбросил одеяло и уставился на него большими, блестящими глазами, полными злости. Лян Цзивэнь, глядя на его оживлённый вид, был рад, наклонился и поцеловал его в уголок глаза, губы коснулись щеки Чжань Цзюцзяна, и он сказал:

— Я принёс воды, давай сначала оботрёмся, хорошо?

<http://bllate.org/book/16557/1511270>